

УДК 316.6:316.75: 81'33

## СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА. ЧАСТЬ I

Мещерякова Эмма Ивановна<sup>1</sup>,  
mei22@mail.ru

Бочаров Алексей Владимирович<sup>1</sup>,  
bav346@rambler.ru

Ларионова Анастасия Вячеславовна<sup>1,2</sup>,  
vktusur@mail.ru

Орлова Вера Вениаминовна<sup>2</sup>,  
orlova\_vv@mail.ru

<sup>1</sup> Национальный исследовательский Томский государственный университет,  
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

<sup>2</sup> Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40.

**Мещерякова Эмма Ивановна**, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

**Бочаров Алексей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

**Ларионова Анастасия Вячеславовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета; доцент кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

**Орлова Вера Вениаминовна**, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Авторы подробно рассматривают проблематику психологии молодежного экстремизма в современном обществе. **Объектом** исследования является концепт молодежного экстремизма. **Предметом** выступают структурно-содержательные характеристики концепта молодежного экстремизма. **Целью** исследования является определение и систематизация структурно-содержательных характеристик концепта молодежного экстремизма, отраженных на русскоязычных Интернет-ресурсах, доступных для индексации поисковиками. **Методология** представляемой исследовательской модели характеризуется междисциплинарным подходом, заключающимся в продуктивной эклектике взаимопроникновения и взаимосогласования постулатов-априорий различных дисциплинарных моделей: общепсихологические теории субъектности и теории личности, культурологические и языковые модели. **Методика** исследования заключалась в частотно-тематическом анализе сопряженности термина «экстремизм» с дискурсивными практиками, представленными в Рунете. В результате психолингвистического эксперимента по анализу дискурсивных практик молодежного экстремизма было установлено, что дискурсивные практики находятся под влиянием всего спектра психологических факторов, организованных в форме аксио-

*логических (оценочных) оппозиций и выявляемых в виде смысловых концептов в информационном поле Рунета, и позволяют отобразить культурно-идеологический фон интерпретаций экстремизма различными акторами. Произведенный анализ демонстрирует возможность изучения и сопоставления содержательных и количественных различий вариантов эмоционально-аксиологических концептов экстремизма в интернете, которые являются отображением современного культурно-идеологического фона действительности.*

**Ключевые слова:** Молодежный экстремизм, Рунет, конструкт-концепт, психопрофилактика, частотный анализ.

В настоящее время молодежный экстремизм переживает эволюционный подъем, затрагивает многие сферы жизни, подрывая стабильность существования человеческого сообщества в настоящем и будущем. Приходится констатировать тот факт, что наряду с позитивными характеристиками современной молодежи стали проявляться тревожные симптомы социально-политической инфантильности; утраты национальной культурной идентичности; индивидуализма и эгоцентризма; девиантного и делинквентного поведения, диверсификация культурных и духовных ценностей, отсутствие жизненных перспектив и самоактуализации [1, 2]. В их основе лежит комплекс противоречий, возникающих между личностью, обществом и государством. И для разрешения данных противоречий необходимо проводить психопрофилактику по своевременному выявлению и устранению предпосылок и факторов, которые порождают эти противоречия, конечно, опираясь на нормативно-правовую базу, регулирующую данный вопрос. Лавинообразный рост количества русскоязычных текстов по тематике экстремизма, в том числе молодежного, использование концепта «экстремизм» для оценки и осмысления самых разных явлений политической, социальной и культурной жизни, наконец, разработка научных методик специально для анализа данного концепта в разных его проявлениях, говорит о возникновении нового масштабного и культурного и социально-психологического феномена. Этот феномен, безусловно, достоин разработки и апробирования различных исследовательских моделей для его понимания.

Таким образом, очевидной проблемой, требующей своего исследования, является релевантность отображения и системности взаимосвязей представлений о молодежном экстремизме в информационном поле Рунета. Поэтому целью представляемого исследования является определение и систематизация социально-психологических и культурно-исторических смысловых репрезентаций молодежного экстремизма, отраженных на русскоязычных интернет-ресурсах, доступных для индексации поисковиками.

В современном экстремизмоведении исследователи выделили виды акторов, являющихся в зависимости от контекста исследований либо субъектом, либо объектом отношений: 1) экстремисты; 2) жертвы экстремизма; 3) правоохранительные органы, борющиеся с экстремизмом с опорой на юридические законы; 4) научное экспертное сообщество, изучающее закономерности экстремизма с опорой на научные теории и методы; 5) журналистское сообщество, реагирующее на запросы со стороны различных акторов в связи с тематикой экстремизма; 6) подростки и молодежь, являющиеся потенциальными участниками экстремистских сообществ и акций; 7) родители, влияющие на склонности и потребности подростков, подверженных влиянию экстремизма; 8) образовательные учреждения, воздействующие на молодежь в связи с проблематикой экстремизма; 9) законодательные органы и государственная власть, издающие законы, касающиеся экстремизма. Все акторы требуют друг от друга согласованности в определенных действиях и демонстрации определённых взглядов и убеждений. Мотивации и эмоциональные состояния, присущие или приписываемые перечисленным акто-

рам, могут в разных текстах и сайтах менять свое содержание, направленность и частотность. Это создает определенные затруднения в аналитике этого явления [3–10].

### Гипотезы исследования

Разные акторы, участвующие в порождении и распространении дискурсивных практик, связанных с молодежным экстремизмом, находятся под влиянием всего спектра психологических факторов, организованных в форме аксиологических (оценочных) оппозиций и выявляемых в виде смысловых концептов, интертекстуально организованных в информационном поле русскоязычного интернета.

Каждая смысловая единица может истолковываться разными акторами противоречивым образом и использоваться в противоположных целях.

Данные противоречия и противоположности обусловлены социально-психологическими и культурно-историческими тенденциями в разных сферах жизни современной России.

Задачи исследования:

- Анализ инвариантов и количественный анализ вариантов общедоступных русскоязычных текстов в информационном поле Интернета для отображения культурно-идеологического фона интерпретаций экстремизма различными акторами.
- Систематизация дискурсивных практик речевого описания и смысловых коннотаций феномена экстремизма.
- Выявление социально-психологических паттернов отношения к экстремизму.
- Вычленение из полученной информации различных аспектов, относящихся к молодежному экстремизму.

Психологический контекст, в соответствии с новыми вызовами меняющегося общества, в большой мере отражает примененный в исследовании системно-антропологический подход в изучении личности в современных быстро меняющихся условиях жизни в многообразных поликультурных и полиэтнических пространствах существования человека. В то же время прикладная психология в настоящее время характеризуется все большей обращаемостью к лингвистическим методам исследования психологических проблем. В числе проблем, которые затрагивают авторы: выявление и реконструкция латентных структур, формирующих «Я-концепцию», самость, субъективная реальность человека; индивидуальные и культуральные особенности решения сложных проблем, описание проблем и оценка их достоверности; выявление и устранение коммуникативных ошибок, связанных с негативными последствиями и безопасностью человека и пр.

Методология представляемой исследовательской модели характеризуется междисциплинарным подходом, заключающемся в продуктивной эклектике взаимопроникновения и взаимосогласования постулатов-априорий различных дисциплинарных моделей. Ими в представляемом исследовании явились:

- модели культурологии с ключевым понятием концепта как ментального образования, как смыслового, языкового кванта сознания, как гештальта человеческого бытия-в-мире, как личностного осмысления объективного значения понятия [11];
- языковые модели с аксиоматикой структурной, когнитивной и коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии работ Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, Г.Г. Слышкина [12] о лингвокультурных концептах и метаконцептах, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского [13] о множественности семантического описания; В.И. Карасика о многомерности лингвокультурного концепта [14, 15] о семантико-когнитивном подходе к языку;

- критический дискурс-анализ Н. Фэркло (Norman Fairclough), подход которого характеризуется глубинным изучением дискурсивных эффектов социальных практик. В центре внимания находятся внутренние свойства дискурса, которые поддаются лингвистическому анализу и являются ключевым элементом когнитивной и социально-психологической интерпретации [16];
- общепсихологические теории субъектности, активности личности, самосознания и самоопределения, когда эмоционально-мотивационная и аксиологическо-интенциональная модель анализа современного молодежного экстремизма как социокультурного явления структурируется с учетом субъект-объектных отношений в методологии субъектности (кто по отношению к кому или чему мотивирован или проявляет эмоцию) [17–19].

### Методы исследования

Сбор данных осуществлялся в мае 2018 г. с использованием поискового сервиса Google. Наибольшая частотность поисковых результатов (количество web-страниц) обусловлена наиболее устоявшимися ассоциациями, устойчивыми фразами и шаблонными выражениями, сопряженными с тематикой экстремизма. Наименее частотные тематики по статистическим причинам встречаются почти всегда вместе с наиболее частотными в общих тематических комбинациях. Для учета частотно-тематических системных связей все тематические единицы (семантические ряды) были объединены в бинарные смысловые оппозиции, суммарная частотная последовательность которых обусловили структуру изложения в содержании нашего исследования [20]. Такой подход позволил осуществить своеобразную инвентаризацию всех основных аспектов и контекстов по проблеме молодежного экстремизма.

Суммарные частоты показаны в таблице, семантические поля для поисковых запросов и частоты для каждой отдельной мотивации, эмоции или оценки даны в соответствующих разделах статьи. Семантическими полями в данном случае являются объединенные дизъюнкцией синонимические ряды, которые вводились в строку поискового запроса Google вместе со словом «экстремизм». Адреса конкретных сайтов нами не указываются по нескольким причинам: 1) web-страниц с упоминанием идентичных фраз и высказываний по тематике экстремизма сотни тысяч; 2) адреса конкретных страниц могут меняться или исчезать, но их суммарный количественный состав существенно не изменится; 3) актуальный состав поисковой выдачи можно верифицировать по приведенным в статье семантическим полям поискового запроса; 4) во многих случаях, в связи со спецификой рассматриваемых вопросов, публикация ссылок на конкретные адреса предположительно может быть использована во вред авторам сайтов.

Как наиболее показательную, проанализируем оппозицию «угроза/защита». Эта оппозиция, как свидетельствует таблица, является наиболее частотной в семантическом поле экстремизма. При этом семантическое поле *угрожать|угрожал|угроза* составлено 1890000 количеством web-страниц, а семантическое поле: *защищать|защитил|защитник|защитить|защита|защищаться* – 4620000 web-страниц. Чувство угрозы и мотивация защиты от угрозы наиболее релевантны тематике экстремизма и встречаются вместе с ней с наибольшей частотой. Смысл понятия экстремизм выводится из понятия угрозы. При обобщении угрозы в публикациях обычно используются шаблонные вступительные или заключительные фразы, в которых экстремизм характеризуется как «главная опасность в современном обществе», «глобальная угроза современности», «угроза для жизненно важных интересов личности», «угроза мирной жизни сообществ», «угроза территориальной целостности и национальному суверенитету», «угроза националь-

ной безопасности России», «угроза развитию и безопасности региона», «угроза социальному порядку в школах», «угроза единству общества», «угроза государственности», «угроза основам конституционного строя».

**Таблица. Суммарные частоты бинарных оппозиций**  
**Table. Total frequencies of binary oppositions**

| Мотивационно-эмоциональные и аксиологические бинарные оппозиции, упоминаемые в одном контексте с тематикой экстремизма<br>Motivational-emotional and axiological binary oppositions, referred to in the same context with the subject of extremism | Суммарная частота web-страниц в Рунете<br>Total frequency of web pages in RuNet |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------|
| угроза/защита (threat/defense)                                                                                                                                                                                                                     | 6510000                                                                         |
| разочарование/увлеченность (disappointment/enthusiasm)                                                                                                                                                                                             | 2839000                                                                         |
| страх/смелость (fear/courage)                                                                                                                                                                                                                      | 2363000                                                                         |
| ненависть/любовь (hate/love)                                                                                                                                                                                                                       | 2074000                                                                         |
| отчаяние/надежда (despair/hope)                                                                                                                                                                                                                    | 1538000                                                                         |
| презрение/уважение (contempt/respect)                                                                                                                                                                                                              | 1412000                                                                         |
| пренебрежение/забота (neglect/care)                                                                                                                                                                                                                | 1139000                                                                         |
| горе/радость (grief/joy)                                                                                                                                                                                                                           | 1113000                                                                         |
| предательство/верность (treachery/loyalty)                                                                                                                                                                                                         | 1100000                                                                         |
| риск/осторожность (risk/caution)                                                                                                                                                                                                                   | 971000                                                                          |
| зависть/благотворительность (envy/charity)                                                                                                                                                                                                         | 899000                                                                          |
| расточительность/бережливость (extravagance/thrift)                                                                                                                                                                                                | 843000                                                                          |
| месть/прощение (revenge/forgiveness)                                                                                                                                                                                                               | 687000                                                                          |
| жестокость/жалость (cruelty/pity)                                                                                                                                                                                                                  | 683000                                                                          |
| враждебность/дружественность (hostility/friendliness)                                                                                                                                                                                              | 661000                                                                          |
| неблагодарность/благодарность (ingratitude/thanks)                                                                                                                                                                                                 | 609800                                                                          |
| осуждение/восхваление (condemnation/praise)                                                                                                                                                                                                        | 547500                                                                          |
| провоцирование/предостережение (provoking/caution)                                                                                                                                                                                                 | 534000                                                                          |
| гнев/миролюбие (anger/love of peace)                                                                                                                                                                                                               | 518900                                                                          |
| сдерживание/поощрение (deterrence/encouragement)                                                                                                                                                                                                   | 512000                                                                          |
| покорность/честолюбие (humility/ambition)                                                                                                                                                                                                          | 382000                                                                          |
| предвзятость/беспристрастность (bias/impartiality)                                                                                                                                                                                                 | 375200                                                                          |
| упрямство/уступчивость (stubbornness/pliability)                                                                                                                                                                                                   | 121900                                                                          |

При более конкретном указании объекта угрозы упоминаются: угроза здоровью свидетелей при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом; угрозы студентам отчислением и уголовными делами за экстремизм; угрозы расправой представителям различных религиозных вероисповеданий или этнических групп. В силу своей очевидности концепт «угрозы», в отличие от концепта «защиты», сам по себе наименее информативен с точки зрения понимания специфических аспектов молодежного экстремизма.

В связи с мотивацией защиты необходимо выделить различные контексты экстремистской тематики с разделением субъектов и объектов защиты. Здесь помимо очевидного и абстрактного мотива «защиты от экстремизма» выделяются более конкретные объекты защиты. При этом субъектом (тем, кто защищает) стандартно выступают государственные и правовые институты и органы. Религиозный контекст в последнее десятилетие в России несколько изменил состав объектов защиты. Ранее речь шла о защите молодежи от тоталитарных сект и фундаменталистских движений. Сейчас всё чаще звучат призывы «защиты чувств верующих», в том числе защиты их от проверки на экстремизм. Например, упоминаются инициативы по защите «священных книг традиционных религий» от проверки на экстремизм.



В связи с увеличением количества иностранных студентов в ВУЗах России стали постоянным также призывы к «защите иностранных граждан от расизма». В информационном контексте Интернет-порталы призывают посредством самоцензуры и под угрозой закрытия защитить клиентов от «экстремистских материалов», чтобы не допустить публикацию в сети разного рода «списков врагов». В то же время правозащитники просят защитить своих подопечных от неправомерных обвинений, когда экстремистские материалы могли быть опубликованы с чужих IP-адресов без ведома их владельцев. Также специфическим направлением защиты стали призывы защитить пользователей интернета от «неправомерного антиэкстремизма», когда необоснованные обвинения в экстремизме используются для сведения счетов, вредительства или конкуренции в бизнесе, и судебные дела все чаще возбуждают «по совсем странным поводам».

Неоднозначной является тематика экологического экстремизма. Если сами экологи пишут о защите населения от угроз здоровью и защиты природы от разрушения, то их противники призывают государство «защищать свои промышленные предприятия от ущерба» и «защищать граждан от паники и запугивания на экологических митингах». Участие молодежи в защите экологии само по себе имеет альтруистическую мотивацию, однако применение экстремальных методов борьбы за экологию в случае неудач ненасильственных акций может привести к насильственным действиям. В заботе об экологии общественный контроль как механизм отношений населения и власти зачастую провоцирует бесконтрольную агрессию и самосуд. Даже обоснованные требования в экстремистски настроенной среде могут привести к необоснованным преступным действиям.

Неоднозначными являются также призывы защитить от ущемления свободу слова и свободу критики политических деятелей под предлогом борьбы с экстремизмом. Выявление и профилактика настораживающих признаков радикализации на ранних стадиях всегда будет проблематичной с точки зрения прав человека. На вопрос, где заканчивается мирное выражение спорных идей, и начинаются бесспорные призывы к насилию, и в какой момент изложение мировоззрения превращается в незаконное действие, не всегда могут быть даны однозначные ответы по стандартным критериям. Высокая вероятность злоупотреблений расширительным толкованием закона в этих ситуациях, по-видимому, останется неизбежной по когнитивно-логическим причинам. Критерий «публичности» выражения мнений здесь не работает, поскольку с распространением современных электронных и сетевых технологий публичность навсегда потеряла своей прежний смысл, а новые смыслы пока не сформировались.

Цель любой экстремистской идеологии, провозглашаемая открыто, – это дестабилизация, делигитимизация, а затем разрушение существующих экономических и государственных структур посредством актов гражданского неповиновения. Наиболее вероятно вдохновляется такими целями именно молодежь, которая в большинстве своем ещё не успела социализироваться настолько, чтобы самим стать частью устоявшихся общественных институтов и государственных организаций. Может ли снизить такое вовлечение молодежи повсеместное присутствие и контроль государства за всеми этапами и сферами жизни детей и молодёжи – вопрос сложный. Любое усиление давления на общество имеет нелинейный характер, любая избыточность может привести к обратному эффекту. Вместо предотвращения настоящей опасности экспертное сообщество и общественное мнение может обратиться к абсурдным неадекватным вопросам. Речь идет о том, что активная актуализация и расширенное толкование понятия «экстремизм» привело к проникновению его в такие сферы культуры и образования, в которых его проникновение является однозначно неадекватным. Тем не менее эти про-

цессы деформируют историческое сознание и коллективные представления о современности. В социальных сетях и публицистике обсуждаются вопросы о том, какие литературные произведения русских классиков являются экстремистскими и какие из них должны войти в список вредоносных литературных произведений. Ставятся такие вопросы, как «Дубровский Пушкина – террорист или экстремист?», «Были ли экстремистами декабристы?», «Запретят ли Достоевского за экстремизм?», «Признают ли Льва Толстого экстремистом?». Такие вопросы демонстрируют разные и противоречивые идеологические мотивации. С одной стороны, наблюдается сомнение в целесообразности и эффективности государственных мероприятий по борьбе с экстремизмом, проявляющееся в их ироническом и сатирическом осмыслении. С другой стороны, наблюдается некоторый выход из-под контроля стихийного распространения концепта «экстремизм», экспансия его во все сферы жизнедеятельности, в том числе в абсолютно нерелевантные исходному социально-психологическому и юридическому смыслу понятия «экстремизм». Модернизация исторического прошлого препятствует корректному пониманию особенностей работы с молодежью в текущей исторической ситуации по сравнению с предшествующими периодами отечественной истории. Попытаемся показать данные особенности. В императорской России «бунтующую» молодежь отрезали от столичной жизни и ссылали на военные действия в колониальные окраины. В советский период молодежь «бунтарского возраста» массово направлялась на большие стройки востока и юга страны. Наконец, основная часть молодежи предшествующих исторических периодов сравнительно рано погружалась в семейно-бытовые проблемы и имела мало времени на выработку самостоятельной позиции по идеологическим вопросам, в том числе из-за крайне ограниченных каналов информации. В постсоветский период 90-х – начала 2000-х гг. экономические трудности и политическая неопределенность приводили одну часть молодежи в криминальные бандформирования, а другую часть – в эмиграцию (иногда и к тому, и к другому).

Подробный анализ мотивационно-эмоциональных и аксиологических бинарных оппозиций, упоминаемых в одном контексте с тематикой экстремизма в сети Интернет, будет представлен во второй части статьи.

### Результаты и выводы

Проведенное исследование подтвердило гипотезу и продемонстрировало эффективность выбранной методики сбора данных и дискурс-анализа их содержания. Лингвистический эксперимент по анализу дискурсивных практик, представленных в Рунете, показал, что всё существенное по тематике экстремизма, что реально содержится в сети, встречается с большой частотой, сопряжено друг с другом и может быть проинтерпретировано с социально-психологической точки зрения.

Такие сложные феномены, как экстремизм, невозможно познать в рамках определенной концепции, его изучение требует применение междисциплинарного подхода, позволяющего учесть и согласовать противоречивость и разноплановость толкования одной смысловой единицы разными акторами.

Акторы, участвующие в порождении и распространении дискурсивных практик, связанных с молодежным экстремизмом, находятся под влиянием всего спектра психологических факторов, организованных в форме аксиологических (оценочных) оппозиций и выявляемых в виде смысловых концептов, интертекстуально организованных в информационном поле русскоязычного интернета. Мотивации и эмоциональные состояния, присущие или приписываемые перечисленным акторам, могут в разных текстах и сайтах менять свое содержание, направленность и частотность. Данные противоречия и

противоположности обусловлены социально-психологическими и культурно-историческими тенденциями в разных сферах жизни современной России.

Содержательные различия инвариантов и количественные различия вариантов эмоционально-аксиологических концептов экстремизма в информационном поле Интернета позволяют отобразить культурно-идеологический фон интерпретаций экстремизма различными акторами.

Наибольшая частотность поисковых результатов (количество web-страниц) обусловлена наиболее устоявшимися ассоциациями, устойчивыми фразами и шаблонными выражениями, сопряженными с тематикой экстремизма. Наименее частотные тематики по статистическим причинам встречаются почти всегда вместе с наиболее частотными в общих тематических комбинациях.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-01116 А.*

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Transitional Journeys into and out of Extremism. A Biographical Approach / S. Sieckelinck, E. Sikkens, M. van San, S. Kotnis, M. de Winter // *Studies in Conflict and Terrorism*. – 2017. – P. 1–21. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1407075
2. Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure / M. Costello, J. Hawdon, T. Ratliff, T. Grantham // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – № 63. – P. 311–320.
3. Безносков Д.С., Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. – 2010. – № 1. – С. 287–299.
4. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Региональные аспекты отношения студенческой молодежи к экстремизму // *Вестник Томского государственного университета*. – 2015. – № 392. – С. 152–160.
5. Зиядова Д.З. Детерминанты молодежного экстремизма: региональный аспект // *Проблемы в Российском законодательстве*. – 2010. – № 3. – С. 149–151.
6. Инсарова Н.Г. Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи // *Психологическая наука и образование*. – 2014. – № 1. – С. 77–84.
7. Кубякин Е.О. Тенденции развития молодежного экстремизма в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий // *Вестник МГИМО Университета*. – 2013. – Т. 30. – № 3. – С. 199–204.
8. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. – М.: Логос, 2010. – 288 с.
9. Webber D., Kruglanski A.W. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. – 2018. – № 19. – P. 131–134.
10. Scrivens R., Davies G., Frank R. Searching for signs of extremism on the web: an introduction to Sentiment-based Identification of Radical Authors // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. – 2018. – № 10 (1). – P. 39–59.
11. Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 438 с.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – 141 с.
13. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2003. – 250 с.
16. Седых Н.С. Медиадискурс о терроризме в контексте информационно-психологических угроз современности // *Психолог*. – 2015. – № 5. – С. 96–127.
17. Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1994. – 78 с.
18. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 392 с.
19. Лекторский В.А. Объект, субъект, познание. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
20. Мещерякова Э.И., Бочаров А.В. Контент-анализ взаимосвязей культурно-средовых идеологических факторов с понятием «экстремизм» в информационном поле Рунета // *Вестник Томского государственного университета*. – 2014. – № 389. – С. 211–216.

*Поступила 12.09.2018 г.*



UDC 316.6:316.75: 81'33

**STRUCTURAL AND CONTENT CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT  
OF YOUTH EXTREMISM IN THE SEMANTIC SPACE OF RUNET. PART I****Emma I. Mescheryakova<sup>1</sup>,**  
mei22@mail.ru**Alexey V. Bocharov<sup>1</sup>,**  
bav346@rambler.ru**Anastasia V. Larionova<sup>1,2</sup>,**  
vktusur@mail.ru**Vera V. Orlova<sup>2</sup>,**  
orlova\_vv@mail.ru<sup>1</sup> National Research Tomsk State University,  
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.<sup>2</sup> Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,  
40, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.**Emma I. Mescheryakova**, Dr. Sc., professor, National Research Tomsk State University.**Alexey V. Bocharov**, Cand. Sc., associate professor, National Research Tomsk State University.**Anastasia V. Larionova**, Cand. Sc., associate professor, National Research Tomsk State University; associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.**Vera V. Orlova**, Dr. Sc., professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

*The authors consider in detail the problematics of the psychology of youth extremism in modern society. **The object** of the research is the concept of youth extremism. **The subject** is the structural and informative characteristics of the concept of youth extremism. **The aim** of the study is to identify and systematize the structural and substantive characteristics of the concept of youth extremism, reflected in the Russian-language Internet resources available for indexing by search engines. **The methodology** of the presented research model is characterized by an interdisciplinary approach consisting in productive eclecticism of interpenetration and mutual coordination of the postulates-a priori of various disciplinary models: general psychological theories of subjectivity and the theory of personality, cultural studies and language models. **The research methodology** consisted in the frequency-thematic analysis of the conjugacy of the term «extremism» with the discursive practices presented in the Runet. As a result of a psycholinguistic experiment analyzing the discursive practices of youth extremism, it was found that discursive practices are influenced by the entire spectrum of psychological factors organized in the form of axiological (evaluative) oppositions and revealed as semantic concepts in the informational field of the Runet and allow displaying the cultural and ideological background of interpretations extremism by various actors.*

**Key words:** Youth extremism, Runet, concept construct, psychoprophylaxis, frequency analysis.*The research was supported by the RFBR grant, project no. 18-013-01116 A.***REFERENCES**

1. Sieckelinck S., Sikkens E., Van San M., Kotnis S., De Winter M. Transitional Journeys into and out of Extremism. A Biographical Approach. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2017, pp. 1–21. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1407075

2. Costello M., Hawdon J., Ratliff T., Grantham T. Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 63, pp. 311–320.
3. Beznosov D.S., Pochebut L.G. Psikhologicheskie aspekty ekstremizma i terrorizma [Psychological aspects of extremism and terrorism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2010, no. 1, pp. 287–299.
4. Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Regionalnye aspekty otnosheniya studencheskoy molodezhi k ekstremizmu [Regional aspects of student youth attitudes towards extremism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 392, pp. 152–160.
5. Ziyadova D.Z. Determinanty molodezhnogo ekstremizma: regionalny aspekt [Determinants of youth extremism: a regional aspect]. *Probely v Rossiyskom zakonodatelstve*, 2010, no. 3, pp. 149–151.
6. Insarova N.G. Faktory lichnosti i sredy pri formirovaniy ekstremistskikh ustanovok u molodezhi [Personality and environment factors in formation of extremist attitudes among young people]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye*, 2014, no. 1, pp. 77–84.
7. Kubyakin E.O. Tendentsii razvitiya molodezhnogo ekstremizma v usloviyakh progressa informatsionno-kompyuternykh tekhnologiy [Trends in development of youth extremism in the conditions of progress of information and computer technologies]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2013, vol. 30, no. 3, pp. 199–204.
8. Antonyan Yu.M. *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. Moscow, Logos Publ., 2010. 288 p.
9. Webber D., Kruglanski A.W. The social psychological makings of a terrorist. *Current Opinion in Psychology*, 2018, no. 19, pp. 131–134.
10. Scrivens R., Davies G., Frank R. Searching for signs of extremism on the web: an introduction to Sentiment-based Identification of Radical Authors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2018, no. 10 (1), pp. 39–59.
11. Likhachev D.S. *Russkaya kultura* [Russian culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 2000. 438 p.
12. Slyshkin G.G. *Lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguocultural concepts of case texts]. Moscow, Academia Publ., 2000. 141 p.
13. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p.
14. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
15. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of the language]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 250 p.
16. Sedykh N.S. Mediadiskurs o terrorizme v kontekste informatsionno-psikhologicheskikh ugroz sovremennosti [Media discourse on terrorism in the context of modern informational and psychological threats]. *Psikholog*, 2015, no. 5, pp. 96–127.
17. Slobodchikov V.I. *Razvitie subyektivnoy realnosti v ontogeneze*. Avtoreferat Dis. Dokt. nauk [Development of Subjective Reality in Ontogenesis. Dr. Diss. Abstract]. Moscow, 1994. 78 p.
18. Brushlinskiy A.V. *Subyekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* [Subject: thinking, learning, imagination]. Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii Publ., Voronezh, NPO «Modek», 1996. 392 p.
19. Lektorskiy V.A. *Obyekt, subyekt, poznanie* [Object, subject, cognition]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 358 p.
20. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V. Kontent-analiz vzaimosvyazey kulturno-sredovykh ideologicheskikh faktorov s ponyatiem «ekstremizm» v informatsionnom pole Runeta [Content analysis of the relationship of cultural and environmental ideological factors with the concept of «extremism» in the information field of the Runet]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 389, pp. 211–216.

*Received: 12 September 2018.*